

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ»

Что делает даже самый маленький город интересным и живым? Как мне представляется, три обстоятельства: присутствие реки, театра и университета. В балтийских республиках таких городов несколько, и сразу же приходит на ум благословенный Тарту – средоточие наук и искусств. Каунасу повезло дважды: здесь два университета – гуманитарный факультет Вильнюсского университета и Университет Витаутаса Великого.

Университет Витаутаса Великого возник 16 февраля 1922 г. Здесь работали такие выдающиеся ученые, как Миколас Биржишка, Казимерас Буга, Винцас Мицкевичюс-Креве, Леонид Карсавин, Балис Сруога, Эдуард Вольтер, Паулюс Галауне, Антанас Сместона. Сразу после аннексии Литвы Советским Союзом в 1940 г. университет был закрыт, а многие его бывшие преподаватели были репрессированы или покинули родину. Только в 1989 г. было принято решение о восстановлении университета, и это произошло 11 марта 1990 г. – чему посодествовали литовские ученые, живущие в эмиграции.

В том же 1990 г. на факультете социальных наук было создано отделение культурной антропологии, которое в 1992 г. было переименовано в отделение этнологии и фольклора и переведено на гуманитарный факультет. В 1990-е годы отделением руководил проф. Норбертас Велюс – выдающийся литовский ученый, филолог и культуролог, автор ряда фундаментальных работ по литовской мифологии, фольклору, народной культуре. После его смерти в 1997 г. отделение возглавил Ромуальдас Апанавичюс. В 2000 г. при отделении сформировался Исследовательский Центр этнологии и фольклора, ориентированный на изучение современной культуры Литвы, в особенности бытующих в настоящее время субкультур.

7–8 ноября 2002 г. отделение этнологии и фольклора совместно с отделом этнологии Института истории Литвы организовало международную конференцию «Этническая культура: традиции и инновации», которая была приурочена к десятилетнему юбилею восстановления Университета, в том числе и десятилетию педагогической и научной деятельности отделения этнологии и фольклора. Эта конференция стала важным событием в научной жизни Литвы и других стран Восточной Европы. Куратором конференции выступил декан отделения этнологии и фольклора Ромуальдас Апанавичюс, рабочими языками конференции были литовский, русский и английский. Работа проходила в четырех секциях: «Исследования в области фольклора», «Исследования современной культуры», «Этническая идентичность и этническое выражение», «Исследования этнической культуры». С докладами выступали более 100 ученых из разных стран Европы, в том числе Польши, России, Латвии, Эстонии, Финляндии, Португалии Болгарии, Украины, Белоруссии, а также Канады.

На пленарном заседании было пять докладов. Открыл конференцию доклад А. М е н ц е а (Польша, Варшавский университет) «Антропология культуры и истории культуры». Он выделил в исследованиях истории культуры различные доминанты: если для XIX в. это была по преимуществу политическая и дипломатическая история, а для XX в. – социально-экономическая, то в XXI в., согласно мнению ученого, история должна стать преимущественно историей культуры. Важнейший элемент культуры – коммуникация, и поэтому особое внимание следует обратить на значительные изменения в способах общения, происходящие на наших глазах.

В докладе Р. А п а н а в и ч ю с а (Литва, Университет Витаутаса Великого) «Этническая музыка балтов и славян: взаимовлияния или общее происхождение» был поставлен вопрос, каким образом этнография музыки может освещать сложные страницы этногенеза народов. В докладе было наглядно показано, что западные балтские народы имеют иной музыкальный строй, нежели восточные балты, чья музыкальная культура близка восточным славянам. Полифония западных литовцев весьма сходна с полифонией западных и южных славян – словаков, хорватов, а также народов Балкан, и в этом ученый обнаруживает древнее добалтское наследие народов Восточной Европы.

Большой интерес и оживленную дискуссию вызвал доклад И. А п и н е (Латвия, Латвийский университет) «Изменения идентичности национальных меньшинств в независимой Латвии», посвященный преимущественно изменениям в идентичности русских Латвии. Исследовательница задалась вопросом, существует ли в настоящее время в латвийском обществе представление о некоем общем типе «русского Латвии». И. Апине подчеркнула, что исторически русское население Латвии разнородно: до 1940 г. здесь – причем в основном в восточных областях – преобладали русские крестьяне-староверы, а в городах существовал слой русской интеллигенции; после присоединения к СССР стало стремительно расти число мигрантов-рабочих промышленных предприятий. Обретение же Латвией независимости поставило задачу

новой этнической ориентации этих разных групп русских. И. Апине отметила, процессы переориентации идентичности охватили не только русских (или так называемых русскоязычных) Латвии. В 1990-е годы происходили изменения и в идентичности самого латышского общества, так как в Латвию приехало значительное число латышей из России, Европы и Америки, для которых тоже актуальна проблема интеграции в латвийское общество.

Исследования этнологов и социологов показывают, что к началу 1990-х годов у большинства русских Латвии преобладало советское, а не русское сознание, что до сих пор остается проблематичным для общества в целом. Приходится констатировать, что в настоящее время в республике имеются силы, не заинтересованные в благополучной общественной интеграции, и они ищут поддержки вне данного государства, в том числе во властных структурах и в обыденном массовом сознании России.

В целом же на сегодняшний день в сознании русских Латвии можно выделить несколько ощутимых тенденций. Это определенное психологическое дистанцирование от России и происходящих в ней событий (70–76% и латышей, и русских Латвии признают, что они отличаются от жителей России), общество становится прагматичнее, локальный патриотизм становится более заметным, чем общегосударственный. На бытовом уровне происходит сближение культур русских и латышей (например, русские перенимают латышские традиции ухода за могилами близких).

В 1990-е годы изменилось отношение русских к тому факту, что они стали в Латвии этническим меньшинством. Если в начале 1990-х годов нередким было неприятие («нет, мы не меньшинство, нас много!»), то в 1994–1995 гг. доминировать стало иное отношение: «да, мы меньшинство, и поэтому нам полагается то-то и то-то». В настоящее же время ощутима тенденция к пониманию, что этническое меньшинство обладает не только правами, но и обязанностями.

Произошли некоторые подвижки и в психологии, хотя ряд этнопсихологических особенностей, конечно, сохраняется. В частности, исследования показывают, что для русских более чем для латышей характерен так называемый коллективистский тип мышления, большая ориентация на группу, чем на себя лично. Характерно ожидание послабления законов, или – приспособление к ним, а также ожидание «справедливости», а не действия закона. Заметна также тенденция конструировать свой образ как более неблагополучный, чем это есть на самом деле: русским в большей степени, чем латышам, нравится «купаться в собственных обидах», и подобное депрессивное настроение носит отчетливо компенсаторный характер, является определенного рода оправданием своего неблагополучного положения – экономического и социального.

Наконец, И. Апине выделила пять существующих на сегодняшний день вариантов идентичности русских Латвии: 1) интеграция в латвийское общество, принятие его ценностей – даже без особого психологического сближения с латышской культурой; 2) аккультурация – сближение с культурой и ценностями большинства; 3) ассимиляция, происходящая особо интенсивно в случае смешанных браков; 4) неинтеграция, т.е. отрыв от естественной среды проживания, например, когда человек или целая семья живут в искусственной среде российского телевидения и практически не знают, что происходит в Латвии, не участвуют в окружающей их жизни; 5) новый тип, связанный с процессами глобализации, когда люди выбирают транснациональную идентичность и включены одновременно в несколько этнических систем. Примером такого типа может быть работа школы «Варавиксне» в Краславском р-не Латвии.

И. Апине сделала вывод, что в настоящее время в обществе Латвии становится очевидным, что чем лучше человек справляется со своими индивидуальными проблемами, тем успешнее он интегрируется, и тем менее он имеет претензий к государству. В среде же русских Латвии на протяжении 1990-х годов произошли значительные перемены, так что теперь правильнее говорить не о русских Латвии, а о латвийских русских.

Другие доклады пленарного заседания тоже вызвали интерес слушателей и позднее упоминались в дискуссиях на секциях.

М. Ш и б а е в а (Россия, Московский государственный университет культуры и искусств) в докладе «Аспекты этнической ментальности и культурное многообразие» говорила об этносе как философском явлении, связанном с воплощением идеала, и об этничности как о переживании идентичности в трех способах – как дома, как речи и как вызова.

Б. К е р б е л и т е (Литва) рассказала о результатах работы по классификации и созданию указателя сказок и других жанров повествовательного фольклора. Этот труд уже высоко оценен фольклористами Литвы и других стран и войдет в число важнейших методологических работ и источников по балтийской духовной культуре.

Многие доклады, прочитанные на секциях, также вызвали большой интерес и стали основанием для интересных дискуссий.

В секции «Этническая идентичность и этническое выражение» были сделаны доклады на несколько тем, из которых следует отметить следующие. Взаимовлиянию культур, выраженному в предметном и операционном языках культуры, были посвящены доклады И. М а х о в с к о й (Белоруссия) о балтий-

ском субстрате в традиционных белорусских обрядах детства, Дж. В а с т о к а с (Канада), сопоставлявшей литовские и ирландские придорожные кресты и обнаружившей ряд общих для них протондоевропейских иконографических элементов, обладающих, по мнению исследовательницы, сходной семантикой, и Т. Ш р а д е р (Россия, С.-Петербург), рассказавшей о роли торговых контактов во взаимовлиянии культур на примере морской торговли русских и норвежцев.

Конструированию разных форм этнической идентичности были посвящены доклады А. Л а п и н с к е н е (Литва) об этнической и культурной идентичности в этикете литовцев XX в., П. В у о р и н е н (Финляндия) об этнической идентичности в смешанных русско-финских семьях, К. Х е й к к и н е н (Финляндия) об этнической идентичности российско-финских иммигрантов в Финляндии. Модель «этнос как выбор» представила В. А п а н а в и ч е н е (Литва) в докладе «Этническое сознание европейских композиторов XIX – начала XX в.: проблема самоопределения». Я. Р о к и ц к и (Польша) говорил о тех процессах, когда этническая пища, участие в этнических праздниках, сохранение этнических обычаев разных народов, переселившихся в Америку, перемещаются из сферы повседневного и внутреннего (домашнего) в сферу официально-праздничного и внешнего. То обстоятельство, что все больше и больше не дом или округ, а рестораны, фестивали, школы и американская идеология сохраняют этнические традиции разных народов, живущих теперь в Америке, приводит к выводу, что этничность из области культурной все больше переходит в сферу технологии.

Ряд докладов был посвящен этнокультурным стереотипам. П. К а л н ю с (Литва, Вильнюс) отметил важные исторические предпосылки формирования этнического автостереотипа литовцев и этнографических групп литовского народа (аукштайтийцы, жемайтийцы, дзуки и сувалки). Он рассказал о развитии стереотипов «чужой» и «свой» в литовском региональном сознании. Д. С е н в а й т и т е (Литва) рассмотрела изменения в литовском автостереотипе. В докладе С.И. Р ы ж а к о в о й и М.В. З а в ь я л о в о й (Москва) «Представления о "своем" – "чужом" в этнических стереотипах литовцев и латышей» были проанализированы результаты этнопсихологического исследования среди молодежи Риги и Вильнюса. Сопоставление авто- и гетеростереотипов литовцев, латышей, а также русских Латвии и Литвы показало как явные, лежащие на поверхности оценки и приоритеты в оформлении представлений о «своем» и «чужом», так и скрытые, обычно неосознаваемые тенденции в дистрибуции оценочных черт и в отношении к «иному».

О сохранении традиционной культуры говорили О. П р и г а р и н (Украина) в докладе «Этноконфессиональная выразительность традиционной культуры русских-старообрядцев (липован) Юго-Восточной Европы». Е. А н а с т а с с о в а (Болгария) в докладе «Старообрядцы в Болгарии – старая вера и новое время», М. Г а в е н с к и (Польша) в докладе «Поляки Казахстана», Н. В и л м а н е (Латвия), рассказавшая о сохранении латышской идентичности в латышских поселениях Бразилии в XX в.

Весьма интересным был доклад И. М а л ы г и н о й (Россия) «Универсальные черты и социокультурные особенности русского национализма». Были представлены размышления о развитии идеи нации и национальной идеи в России, проанализированы функции национализма как формы идеологии и сделаны некоторые замечания о его бытовании в современной России.

В секции «Исследования в фольклоре» следует выделить доклады М.В. З а в ь я л о в о й (Москва) «Взаимодействие балтийской и славянской заговорных традиций на пограничных территориях». Р. Ж а р с к е н е (Литва), говорившей о реликтах счета на пальцах, в частности двойного счета в традиции литовского народного музицирования, Л. А н г л и ц к е н е (Литва), представившей образы соседних народов в литовском фольклоре, А. В а й ц е к а у с к а с а (Литва), рассказавшего о традициях ряжения в Литве, В. К л я у с а (Москва), представившего уникальный видеоматериал и рассказавшего о заговорных обрядах и заклинаниях русских.

В секции «Исследования в современной культуре» большой интерес вызвали сообщения И. К р а м и н и (Латвия) «Этническое самовыражение в контексте межкультурного общения» и Р. Р и н к е в и ч и (Латвия) «Национальная идентичность: проблемы сложения латвийской культуры на рубеже XXI в.».

Следует отметить, что конференция была организована на высоком уровне. В следующем году предполагается издание представленных докладов. На заключительном заседании было выражено пожелание организовывать подобные конференции в Каунасе с периодичностью в два или три года. Это предложение было с радостью поддержано латвийскими, польскими и российскими участниками.

С. И. Рыжакова